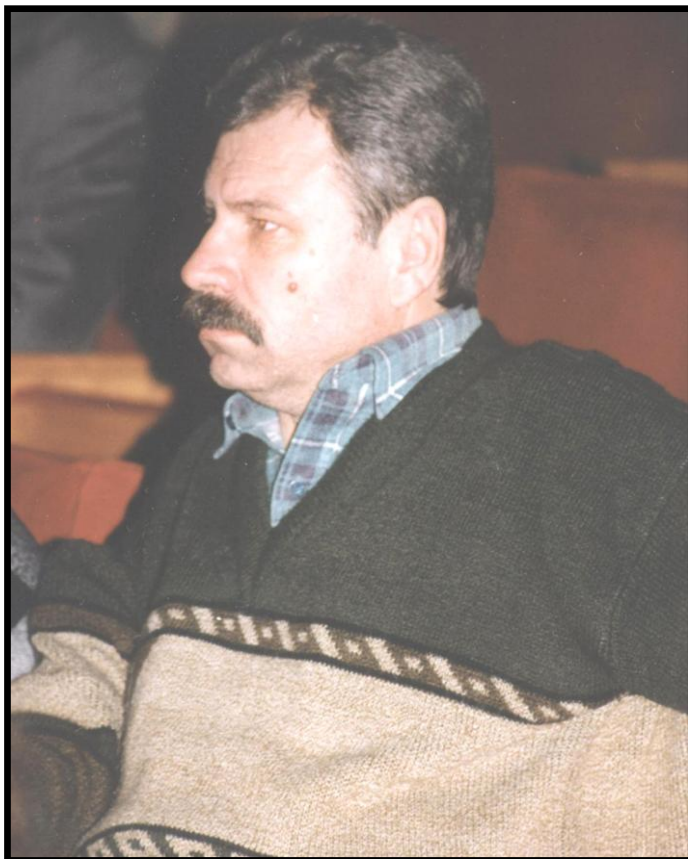

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
ВИТАЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ПОДГАЕЦКОГО

(1951-2004)

Звенигород, 1997. Конференция АИК-VI

**АХИОМАТА MINORA:
ПАМЯТИ ВИТАЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ПОДГАЕЦКОГО**

14 февраля 2004 г. я находился в Голландии, в небольшом конференц-центре "De Spartenhorst", где участвовал в работе международного семинара, организованного голландской ветвью Международной ассоциации "History & Computing" (АНС) и посвященного проблемам развития исторической информатики. Именно в этот день мобильный телефон принес мне печальную весть о внезапной кончине Виталия Васильевича Подгаецкого. Это сообщение поразило всех участников семинара, знавших профессора Подгаецкого, лидера украинских ученых – специалистов по исторической информатике, клиометрике. В тот же день в Днепропетровск было факсом отправлено письмо соболезнования, которое от имени АНС подписали известные ученые, чьи имена хорошо знакомы всем членам АИК: Президент АНС проф. Питер Дорн (Голландия), экс-президенты АНС проф. Манфред Таллер (Германия) и д-р Ян Олдерволл (Норвегия), д-р Лен Брёре, д-р Онно Боонстра (Голландия), проф. Гуннар Торвальдсен (Норвегия), проф. Инго Кропач (Австрия), д-р Мэттью Вуллард, проф. Роберт Моррис (Великобритания). Под этим письмом стоит и моя подпись.

С Виталием Васильевичем мы были дружны около 20 лет, и в этих заметках мне хотелось бы отдать дань памяти этому незаурядному человеку, интересному и яркому ученому.

Виталий Васильевич Подгаецкий родился в 1951 г. в селе Тартак Винницкой области. В 1954 г. семья переехала в г. Днепропетровск, где будущий профессор окончил школу и в 1968 г. поступил на исторический факультет Днепропетровского госуниверситета, который окончил с отличием в 1973 г. Поработав затем три года учителем сельской школы, В.В. Подгаецкий вскоре был зачислен в штат исторического факультета ДГУ. В 1982 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию в Московском государственном историко-архивном институте, а в 1993 г. – докторскую, уже на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова¹. С 1992 г. В.В. Подгаецкий – заместитель декана по науке, с 1994 г. – профессор кафедры историографии и источниковедения исторического факультета ДГУ, а с 1995 г. – научный руководитель организованной на факультете научно-исследовательской лаборатории компьютерных технологий исторических исследований. Работа, которую вела эта лаборатория под руко-

¹ Тема докторской диссертации В.В. Подгаецкого – "Социальная структура городов Украины в годы нэпа (опыт многомерного анализа материалов переписей 1923 и 1926 гг.)".

водством В.В. Подгаецкого, заложила основы «украинской модели» исторической информатики.

Научные интересы Виталия Васильевича эволюционировали во времени. Последние 20 лет его научной деятельности постепенно сформировали вектор его научных интересов. Увлечшись в 1980-х гг. тематикой социальной истории городов Украины периода нэпа, он ощутил необходимость овладения методологией системного подхода, многомерным статистическим анализом как одним из инструментов реализации этого подхода. С середины 1990-х гг. область его научных интересов стала расширяться, включая сначала методологические проблемы квантитативной истории, а затем – исторического познания в целом и междисциплинарных его аспектов в особенности. В том дружном и творческом научном сообществе, ядро которого составляют члены АИК, Виталий Васильевич играл особую роль – и не только как один из авторитетных членов Совета АИК, ветеран ассоциации². Он был "философом исторической информатики", мыслителем, определявшим соотношение нового междисциплинарного направления с основным руслом исторической науки³. Об этом подробнее я хотел бы сказать в своей рецензии на его последнюю, "программную" книгу (см. ниже).

Мы познакомились в 1984 г., когда Виталий Васильевич приехал в МГУ на стажировку по линии ФПК. Уже тогда было ясно, что это наблюдательный, пытливый человек, обладающий сильным характером. Через неделю после его приезда в Москву и появления у нас (на кафедре источниковедения) он попросил о встрече, и мы просидели в его комнатухе в "высотке" несколько часов; в разговоре принимал участие и Николай Павлович Ковальский, профессор ДГУ, заведующий кафедрой, на которой вскоре стал работать Виталий Васильевич. Разошлись далеко за полночь, и у меня надолго сохранилось теплое чувство от этой встречи с днепропетровцами – земляками моих родителей.

На следующий год Виталий Васильевич приехал к нам опять – на сей раз для участия в кампании "всеобщей компьютеризации" преподавателей-гуманитариев. Он не раз вспоминал об этом времени в своих публикациях, отмечая то влияние, которое оказала на него личность акад. И.Д. Ковальченко и его "команды". В своей последней книге В.В. Подгаецкий пишет, в частности, что "с 1985 года начался новый этап в моей жизни, и я искренне признателен и Ивану Дмитриевичу, и моим друзьям, чьи имена я уже называл, за то, что они сделали для меня"⁴.

² В.В. Подгаецкий был среди тех участников Международного симпозиума в Ужгороде летом 1992 г., кого можно назвать "учредителями АИК".

³ См., напр.: Подгаецкий В.В. Клиометрика. *Axiomata minor* // Информационный бюллетень ассоциации "История и компьютер". №10. М., 1994.

⁴ Автор книги называет здесь сотрудников кафедральной лаборатории (Л.И. Бородкина, И.М. Гарскову, Т.Ф. Измestьеву). См.: Подгаецкий В.В. Ос-

Этому новому этапу в жизни Виталия Васильевича предшествовал нелегкий двухлетний период. С присущей ему эмоциональностью он пишет об этом в открытой манере: "В 1983–1985 гг., после защиты кандидатской диссертации по источниковедению я переживал жесточайший внутренний кризис, так как оказался в тупике и не знал, что делать дальше. В научном плане причиной кризиса стало осознание того, что моя работа практически сводится к пересказу своими словами содержания источников, причем к пересказу по уже заранее заданной программе. Моя работа напоминала мне детскую игру под названием "Раскрась сам", задачей которой было раскрашивание различными красками предметов, контуры которых уже были нарисованы заранее, а у ребенка создавалась иллюзия, что он рисует предметы сам, К тому времени я уже устал от иллюзий, я устал обманывать себя. Занятия историей я воспринимал как образ жизни, но оказалось, что это не совсем тот образ жизни, к которому я стремился"⁵. Думаю, что Виталий Васильевич был не единственным историком, испытывавшим в те годы состояние внутреннего кризиса, но мало кто способен на такую жесткую саморефлексию. Нетрудно понять, почему в 1985 г. на него произвел такое впечатление Иван Дмитриевич Ковальченко (все оставшиеся 20 лет жизни Виталий Васильевич обращался к работам Ковальченко как к источнику истинного знания и рассматривал его как самого авторитетного ученого). Виталию Васильевичу импонировало, что И.Д. Ковальченко "был открыт для новых и нестандартных идей и вместе с тем имел твердую систему убеждений, которые он умел и излагать, и отстаивать"⁶. В целом ряде своих работ В.В. Подгаецкий использует введенное им понятие «аксиома И.Д. Ковальченко», суть которой сводится к известному тезису Ивана Дмитриевича о необходимости разработки методологических подходов и методов исследования, адекватных сложным задачам исторической науки. Надо отметить, что уже начиная с первых визитов Виталия Васильевича в МГУ Ковальченко проявлял интерес к его работе и положительно относился к развитию контактов между нашими кафедрами, к идее защиты докторской диссертации В.В. Подгаецкого на Историческом факультете МГУ.

В 1985–1987 гг. кафедра историографии и источниковедения Днепропетровского госуниверситета ежегодно приглашала меня читать курс "Количественные методы и ЭВМ в исторических исследованиях". В результате мы с В.В. Подгаецким опубликовали совместное учебное пособие, которое в течение нескольких лет (до начала "микрокомпьютерной револю-

нови теорії та методології джерелознавства з історії України ХХ століття. Дніпропетровськ.: Вид-во Дніпропетр. ун-ту, 2000. С. 234.

⁵ Там же. С. 233.

⁶ Там же. С. 234.

ции") активно использовалось на историческом факультете ДГУ⁷. Во время этих командировок я познакомился с Олей (Ольгой Ивановной), женой Виталия Васильевича, его надежной опорой, тонко понимавшим его человеком.

Виталий Васильевич вообще был очень семейным человеком. Это относится не только к его отношениям с Ольгой, но и к отношениям с родителями и братом. Он вырос в рабочей семье, с детства мечтал стать историком и был первым среди многочисленных родственников (и сейчас большей частью живущих в селе), кто закончил университет и даже защитил диссертацию (да еще в Москве). Его родители очень гордились этим, а также и тем, что младший брат Виталия Васильевича – Сергей – тоже закончил ДГУ и стал инженером. В своей книге Виталий Васильевич пишет об этом с мягким юмором: "Когда по праздникам у нас собирались наши родственники и в очередной раз спрашивали меня о моей профессии, – и я (ответив, что я историк), и они (услышав мой ответ) чувствовали себя довольно неловко. Они – потому, что ожидали услышать нечто (по их мнению) более серьезное, я – потому, что подсознательно чувствовал «несерьезность» своих занятий. Позже я нашел (как мне тогда казалось) выход из этой ситуации и стал называть свою профессию "источниковед", что несколько изменило отношение к моим занятиям моих родственников (по причине замысловатости ее названия), но отнюдь не успокоило меня"⁸.

Виталий Васильевич очень внимательно и трогательно (но в то же время и требовательно) относился к своим ученикам. Переживал за них, остро воспринимал конфликтные ситуации. Последние годы стало подводить здоровье – давала знать себя гипертония. Вот строчки из последнего письма Виталия Васильевича ко мне, отправленного из Коктебеля 26 сентября 2003 г.: "3 июля ... со мной случился криз, давление поднялось до 240. Испугался, но надеюсь выкарабкаться под Олиным присмотром в Коктебеле". И дальше: "Я очень соскучился по вам, по МГУ-шному воздуху, его рабочей, родной для меня атмосфере. Считаю для себя честью отдать дань благодарности и уважения памяти Ивана Дмитриевича... Хотелось бы попасть в число участников планируемой в МГУ конференции памяти Ивана Дмитриевича. Здесь в Коктебеле работаю над докладом, его название "Исторические модели как мечты о прошлом". Надеюсь на встречу с вами в МГУ". В этом письме есть и мотив одиночества, которое он стал ощущать и на кафедре, и на факультете.

В данном выпуске нашего бюллетеня публикуется последняя статья В.В. Подгаецкого, посвященная методологии микроисторического иссле-

⁷ Бородкин Л.И., Подгаецкий В.В. Методические указания к изучению курса "Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях". Днепропетровск, 1988. – 44 с.

⁸ Підгаєцький В.В. Указ. соч. С. 323–233.

дования. В самом начале статьи автор пишет: "Данный текст включает в себя как основные положения, сформулированные на двух первых этапах работы, так и результаты их переосмысления. Я не только не считаю этот третий шаг "последней инстанцией" в решении обсуждаемой здесь проблемы, но искренне надеюсь, что он не будет последним...". Автор надеется... Он ставит многооточие в конце фразы...

Ощущение конечности бытия усиливается в последней из опубликованных работ Виталия Васильевича – тезисах, подготовленных для IX конференции АИК, состоявшейся в апреле 2004 г. (он закончил работу над этим текстом за несколько дней до кончины)⁹. Закончив текст, автор приводит постскриптума: в первом он вводит понятие "аксиомы Л.И. Бородкина" (о роли количественных методов в изучении исторических текстов), последняя же строка такова: "P.S.2. Надеюсь на то, что продолжение последует?"¹⁰. Увы, знак вопроса поставлен был, видимо, не случайно...

К этой последней своей публикации Виталий Васильевич подобрал следующий эпиграф (практически все его публикации имели эпиграф): *"Но взялся я за эти тезисы с чувством того, что я не должен бояться опозориться и что я должен высказать самому себе то, что я постоянно говорю тем, кто моложе меня"*. (Акира Куросава).

К сожалению, Виталий Васильевич уже не сможет сказать молодым последователям ничего сверх того, что он уже сказал. Но и то, что он успел сказать в своих работах, будет еще долго помогать тем историкам, кому не чужды сомнения, кто готов к осмыслению нетривиальных теорий и методов исторического познания, к поискам истины на путях междисциплинарных подходов.

А нам – на конференциях АИК, в ее изданиях – будет не хватать тех неожиданных ассоциативных рядов, тех обобщений, метафор и парадоксов, которыми всегда отличались выступления и публикации Виталия Васильевича Подгаецкого.

⁹ Подгаецкий В.В. "Пахари ледника" и их истории как метафоры прошедших времен. Пионеры. Версия 1. Информация к размышлению // Информационный бюллетень ассоциации "История и компьютер". №32, апрель 2004. С. 203–204.

¹⁰ Там же. С. 204.

ВСПОМИНАЯ В.В. ПОДГАЕЦКОГО

Первое мое знакомство с Виталием Васильевичем состоялось в 1993 г. Он готовился к защите докторской диссертации в совете исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Нас познакомил Л.И. Бородкин. Первое впечатление от тогда еще кандидата наук Погаецкого – это немножко лукавый взгляд и "сталинские" усы. Однако с самого начала разговора на первый план вышли его интеллект и эрудированность. Уже позже я понял, что Виталий Васильевич очень много читал. И не только научную литературу.

С большим интересом я выслушал и саму процедуру защиты, не только потому, что защищалась интересная диссертация, но и по той причине, что выступали корифеи источниковедения, имена которых я в то время знал лишь по книжным обложкам.

Уже потом, через пару дней после защиты мы долго сидели у него в комнате в зоне "Е" и разговаривали на самые разные темы. Разговор затянулся до четырех утра. Хотя не со всеми суждениями Виталия Васильевича можно было согласиться, не попасть под обаяние его личности было нельзя. Уже много позже, через несколько лет, я понял, что в дискуссиях, при наличии разных точек зрения, его поддержка, взятая со знаком «минус», может обернуться против собеседника, а убедительная аргументация в состоянии разрушить, казалось бы, сложившееся мнение... И хотя спорить с ним было тяжело, но эти споры всегда оставались в рамках доброжелательной дискуссии.

В то время готовилась первая конференция Ассоциации "История и компьютер", на которой Виталий Васильевич был одним из самых активных участников. Мы много общались и в кулуарах. Так получилось, что на многие вещи я тогда посмотрел его глазами. И, конечно, испытал влияние его личности.

Большинство наших встреч проходило в рамках мероприятий АИК, работе в которой Виталий Васильевич отдавал много сил и времени. Я до сих пор вспоминаю конференцию в Днепропетровске, на которую попал благодаря его стараниям, за что я всегда буду ему благодарен. Здесь он раскрылся по-новому, здесь он был хозяином, организатором, и я увидел новые грани его личности, которые раньше оставались где-то за кадром.

Последняя наша встреча состоялась в конце 2002 г. в Москве. Это был расширенный Совет Ассоциации и конференция по электронным ресурсам. Помню, что Виталий Васильевич выглядел очень усталым, говорил обо всем с какой-то грустью. Он словно чувствовал, что жизнь заканчивается...

Мне кажется, что Виталий Васильевич всегда был немного одиноким человеком. Наверное, до конца его понимала только его супруга.

Как и любая яркая личность, Виталий Васильевич был человеком неоднозначным. Он был очень цельной личностью, и его недостатки были продолжением его достоинств. Он мог крепко обидеться, что я не раз испытывал на себе. Однако в последние годы его жизни мы были добрыми друзьями, а его поддержка очень мне помогала. Поэтому известие о внезапной кончине профессора Подгаецкого буквально потрясло меня. Очень жалею, что так и смог организовать ему поездку в Барнаул.

Его научное наследие еще предстоит изучить и понять, не все в нем однозначно, но нельзя не оценить оригинальность мышления и необычность постановок многих вопросов. Не все это принимали, но неординарность и глубину мысли признавали все.

К сожалению, новых работ мы уже не увидим...

Е.В. Злобин

КАКОЙ СВЕТИЛЬНИК РАЗУМА УГАС... (ПАМЯТИ ВИТАЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ПОДГАЕЦКОГО...)

Апогей подготовки к очередной конференции Ассоциации странным и неожиданным образом совпал с целой цепью трагических событий: теракт в Москве, обрушение кровли в Ясеновском аквапарке. Для нашего сообщества столь же неожиданным и столь же трагичным стало известие о внезапной кончине нашего дорогого Виталия Подгаецкого.

В Виталии Подгаецком, как в учёном, каким-то непостижимым образом сочеталась удивительная энциклопедичность в знаниях, оригинальность мышления, богатейший ассоциативный ряд (понять который, не обладая в должной степени широтой познания автора, не всегда было просто) с какой-то, как мне кажется, детской (от самого распространённого вопроса известного возраста – почему?) способностью генерировать научные проблемы прямо, можно сказать, на ровном месте, где большинству, казалось бы, давно уже всё ясно и понятно, и непосредственностью. Кто сомневается в первом – отправляю к многочисленным эпиграфам и ссылкам его последних эссе. Ну, а второе, видимо, является необходимым условием генерации действительно нового знания. Вспомним, например, классический ответ классика на вопрос дочери: "Подвергать всё сомнению".

Также и в учёном наследии Виталия странным и удивительным образом сочетаются исследования статистико-демографических характеристик городов Украины (дочитать которые до конца, признаюсь честно, мне удавалось) с абсолютно оригинальнейшими и многослойными историко-философскими сочинениями, читать которые и, главное, вообще понимать, о чём идёт речь и что хотел сказать автор, было также не просто, но уже по причине неординарности его мышления.

Каюсь, мне один раз захотелось последовать по его стопам, и я попытался в одной небольшой статейке соединить Днепропетровск с Лейденом. Виталий, видимо почувствовав недостаточно высокий уровень моих потуг, немедленно написал достойный ответ (чего стоит одна заключительная фраза: "Лора Пальмер жива"). Причём даже опубликовал его в своей, к несчастью последней, прижизненной билингвальной монографии¹.

Как учёный-историк, призванный отвечать всем новейшим веяниям времени, Виталий отдал дань современным общеполитическим тенденциям. Какое-то (к счастью, непродолжительное) время он писал только на украинском языке, отстаивая незалежність исторической информатики по-українски². И даже перевёл мою статью (видимо, в первый и последний раз в моей научной практике) на украинскую мову. К счастью, в живых он уже не застал последний политический кризис, по существу, расколовший его родину надвое.

Неотъемлемой чертой Виталия была его удивительная харизма. И не только внешняя. Хотя внешность Виталия была очень выразительна. Он сразу же выделялся из общей массы. Чего стоили только одни его замечательные усы. При этом некоторое чувство *боевой настороженности*³, вызываемое достаточно грозной наружностью, моментально рассеивалось, как только начинался содержательный разговор. Каждое произносимое им в ходе обыденного диалога или же научной дискуссии слово звучало и воспринималось как-то необыкновенно вкусно. Невольно напрашивается некая аналогия с любимым мною (и чем-то похожим на Виталия) Арменом Джигарханяном, любая реплика которого в спектакле/фильме ввиду исключительного тембра/придыхания приобретает некую особую значимость и выразительность.

К сожалению, мы (я в первую очередь) не были особенно внимательны к Виталию в последние годы. Только сейчас вспоминаешь, что он никогда не принимал участия в саунных продолжениях научных дискуссий, видимо в силу уже тогда имевшихся проблем со здоровьем/давлением.

Мне, наверное, повезло больше других. Мы были с Виталием в исключительно тёплых отношениях, которые начались ещё задолго до создания нашей Ассоциации. И хотя переписывались и встречались достаточно редко, однако это чувство неразрывной душевной связи не прерывалось, и

¹ См.: Подгаецкий В.В. Основы теории и методологии источниковедения в истории Украины XX столетия (на укр. языке). Днепропетровск: Изд-во Днепропетровского университета, 2001. – С.186.

² К внутриклиометрическим достижениям Виталия в данной области можно отнести и известную ветеранам движения периодизацию развития исторической информатики на Украине в контексте результатов и времени визитов Л.И. Бородинки в г. Днепропетровск.

³ Афганский термин – дань моему полковничьему прошлому.

каждый раз, после долгого перерыва, мы с ним общались так, как будто бы расстались только вчера.

Остался в памяти Виталий и как организатор исключительно тёплого и душевного семинара в Днепропетровске на базе профилактория ракетного завода, которым руководил в то время, видимо, сам Леонид Кучма (**на заре**⁴ нашего движения). Научное содержание дискуссий не запомнилось (к сожалению). Отложились в памяти какие-то мелочи и подробности. Запомнился этот семинар ещё и обилием коньяка, который (вот он, **важос-тойный** уровень тёплоты приёма) плескался, наполняя буквально все советского стиля полуторалитровые графины в комнатах. И поутру слегка поблудневшие участники с трудом пытались найти хотя бы в какой-то комнате графин с водой вместо коньяка для поправки пошатнувшегося в заполуночных научных спорах здоровья.

Виталий был очень требователен в дружбе. Видимо, потому, что сам он был готов для друзей на всё, как говорится – “снять последнюю рубашку”. И, по-моему, не всегда понимал, почему другие не всегда были готовы к аналогичным поступкам. И очень сильно переживал по этому поводу, хотя и не показывал внешне. Мне кажется, аналогичными, нередко чёрно-белыми, без оттенков серого, были отношения Виталия и с другими коллегами в университете и учениками. И не в этом ли одна из причин его преждевременного ухода?

Мне вдвойне повезло, что я не только был в очень тёплых отношениях с Виталием, но и присутствовал и фотографировал на защите его докторской на истфаке МГУ, кстати, одной из первых в сообществе. И в то же время, мне не повезло, я недостаточно близко его знал. Виталий был не из тех людей, которые готовы даже перед близкими друзьями открыть душу нараспапку. Сейчас только начинаю понимать, что я плохо знал его как человека, как личность. Ведь зачастую даже привычные тёплые объятия и мужские поцелуи при встрече обычная дань тактильным способам коммуникации. Из того, что не относилось к научным контактам сообщества и относилось к его личной жизни, знаю только, что отдыхать Виталий предпочитал в Крыму, по-моему, уезжая осенью (когда было уже не особенно жарко – давление!) в Коктебель (ещё одна "Малая Родина" современной интеллигенции) каждый год вместе с любимой и единственной женой – Ольгой.

Произносимые на публичных панихидах клятвы типа "Память о нём будет жить вечно", как правило, недорого стоят. Всё течёт, всё изменяется (тоже классик, но другой). Память о Виталии будет жива, пока мы будем обращаться к его работам, пока живут и здравствуют его ученики, пока будем живы мы, все те, кому посчастливилось с ним работать и дружить.

⁴ Снова ассоциация. На этот раз с хрестоматийной пьесой В. Розова. Опять пытаюсь идти по стопам Виталия, однако шажки получаются мелковаты...

**МОДЕЛИ, СИСТЕМЫ, ЗНАКИ
В ПОЗНАВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ В.В.ПОДГАЕЦКОГО**

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

Підгаєцький В.В. Основи теорії та методології джерелознавства з історії України XX століття. Дніпропетровськ: Вид-во Дніпропетр. ун-ту, 2001. – 391 с.

В своей статье "Парадигма "система – модель – знак" в познавательном пространстве И.Д. Ковальченко"¹ В.В. Подгаецкий справедливо отметил, что Иван Дмитриевич "был открыт для новых и нестандартных идей и вместе с тем он имел твердую систему убеждений (что и сейчас является довольно редким явлением), убеждений, которые он умел и излагать, и отстаивать"². Последние 15 лет жизни В.В. Подгаецкого прошли под знаком особого внимания к личности Ивана Дмитриевича, его научным идеям и принципам. Об этом можно судить и по материалам последней книги Виталия Васильевича Подгаецкого, обозначенной как учебное пособие, но по сути являющейся собранием его работ методологического направления. Чтение этой необычной книги, опубликованной за три года до кончины ее автора, вызывает ощущение, что он стремился успеть обобщить свои работы, придать цельность той серии работ, которая вышла из-под его пера в период "золотой осени" его творческой жизни.

Необычность рассматриваемой книги определяется не только ее двуязычностью (разделы, написанные на русском, перемежаются украинскими текстами). И форма, и содержание книги оригинальны. Будучи сторонником рационального научного знания, модернистских подходов ("модернизм – теоретико-методологический рационализм"³), В.В. Подгаецкий испытал влияние и постмодернизма. Его тексты полны ассоциаций, цитат, метафор и парадоксов. Круг цитируемых им авторов поражает: это Тейяр де Шарден и Швейцер, Пойа и Гёдель, Умберто Эко и Борхес, Эйнштейн и Бор, Лорка и Ортега-и-Гассет, Фуко и Леви-Стросс, Винер и фон Бергманн, Максвелл и Резерфорд, Воннегут и Бродский, Раушенбах и Амосов, Гете и Честертон и много других интересных людей (помимо коллег по цеху исторической информатики). И ведь речь не идет о выхватывании цитат – чтение книги убеждает, что автор хорошо знаком с текстами ука-

¹ Подгаецкий В.В. Парадигма "система – модель – знак" в познавательном пространстве И.Д. Ковальченко // Материалы научных чтений памяти И.Д. Ковальченко. М., 1997. С. 243–252.

² Там же. С. 246.

³ Підгаєцький В.В. Основи теорії та методології джерелознавства з історії України XX століття. Дніпропетровськ, Вид-во Дніпропетр. ун-ту, 2001. С. 40.

занных авторов, умеет "играть смыслами". Авторский стиль Виталия Васильевича нередко включает многочисленные пункты в тексте, логически выстраивающие авторскую концепцию; каждый раздел книги содержит развернутые комментарии, а также вопросы, задаваемые автором самому себе, и ответы на них ("запитання та відповіді").

Интересно, что текст книги содержит и авторскую характеристику собственного стиля: "Для меня работа над текстом начинается с мучительных поисков его "имени", т.е. названия, которое, как правило, несет в себе основную идею работы. Не менее важен для меня эпиграф, который "работает" в тесной связке с названием и одновременно выполняет функции цитат" (с. 180). Что касается цитат, то Виталий Васильевич по этому поводу пишет: "Стараясь работать профессионально, я довольно жестко структурирую свои тексты и их фрагменты (в том числе и цитаты), иногда кажущиеся удачными или неудачными экспромтами или случайностями, которые на самом деле являются результатами тщательного продуманных "шагов"" (с. 179). И далее автор дает развернутую аргументацию своего внимания к цитатам, выделяя три довода. Первый из них основан на понимании цитирования как одного из стилистических приемов, позволяющих "создать знакомый и привычный для гуманитариев и "традиционных историков" (как правило, оппонентов клиометрического сообщества) содержательный и повествовательный фон и как минимум привлечь их, и не только их, внимание к клиометрическим работам" (с. 179). Второй довод связан с использованием цитирования в качестве "действенного инструмента для парадоксализации, обострения определенных познавательных ситуаций или проблем". И, наконец, третий довод В.В. Подгаецкого: "Цитирование – это одно из правил "хорошего тона" для ученого, своеобразное свидетельство его общеобразовательного, специально-научного и культурного "воспитания"" (с. 179–180). На этих страницах книги автор как бы дал нам заглянуть в свою творческую лабораторию.

Содержание книги отражает сферу научных интересов В.В. Подгаецкого, включавшую источниковедение и методологию истории, методы и технологии исторического исследования, философские аспекты научного познания. Будучи человеком гуманитарной культуры, Виталий Васильевич уважительно относился к точным методам, вникал в работы математиков-методологов. Его можно считать ярким сторонником междисциплинарной парадигмы. Об этом говорит и структура книги, включающая восемь разделов:

- история и источниковедение, информация и знание;
- системная методология как гипотеза, как подсистема методологической парадигмы источниковедения;
- методология моделирования как составляющая методологии источниковедения;
- знаки в методологии источниковедения;
- массовые самодостаточные источники в источниковедческом исследовании;

- методы исторического исследования;
- логика (алгоритм) источниковедческого (исторического) исследования.

Материал этих взаимосвязанных разделов нередко имеет структуру концентрических кругов; автор обращается к тому или иному вопросу в разных разделах⁴.

Отдельный интерес представляет приложение "План-конспект спецкурса "Фрагменты теории и методологии исторических исследований"", в котором дается отнюдь не фрагментированное, а цельное, системное видение автором методологии исторических исследований как учебной дисциплины.

В первой части книги В.В. Подгаецкий (пожалуй, первый из наших историков) активно использует категорию "эмерджентность". Эта категория описывает явление приобретения сложной системой новых свойств, черт, характеристик, не присущих ни одному из входящих в нее элементов (или подсистем). Эта категория представляется мне тем более важной, что она расширяет возможности системного подхода, соединяя его с открытыми синергетикой нелинейными эффектами, возникающими в процессе трансформации сложных самоорганизующихся систем.

Методологический раздел работы В.В. Подгаецкого содержит также глубокие размышления автора о системных триадах, порожденные сформулированной им "триадой Клио". Здесь он находит параллели в построениях системных триад, предложенных известным математиком Р.Г. Баранцевым, обсуждает "логику троичности" академика Б.В. Раушенбаха.

Представляют интерес размышления автора о пределах математизации исторического познания, связанных с выводами из знаменитой теоремы К. Гёделя, доказанной им в 1931 г. ("Теорема о неполноте формальных систем"). Ратуя за сближение истории с другими науками, В.В. Подгаецкий подчеркивал, что неотъемлемой и естественной составляющей любой научной дисциплины является совокупность присущих ей методов и технологий. В этом контексте он справедливо отметил, что данной составляющей истории не уделили и не уделяют достаточного внимания, следствием чего является "аматоризация исторической науки", низведение ее порой на уровень любительских занятий. Последнее, по мнению В.В. Подгаецкого, определяет и объясняет причины негативного отношения научного сообщества "и к истории как к науке, и к историкам как профессиональным научным работникам" (с. 133). В качестве моста, призванного соединить историческую науку с более строгим научным знанием, автор рассматривает клиометрику, которую он определяет как реализацию "системно-модельно-знакового" исторического неопозитивизма.

В книге В.В. Подгаецкого нашли отражение все три крупных научных дискуссии 1990-х гг., оказавшихся в центре внимания Международной Ас-

⁴ По этому поводу автор позволил себе заметить: "сталося як сталося" (с. 39).

социации "History & Computing" (АНС) и нашей ветви АНС (АИК). Речь идет о дискуссиях вокруг соотношения источник-ориентированного и проблемно-ориентированного подходов, о моделировании исторических процессов и о тенденциях развития исторических электронных ресурсов ("Я и моя база данных", "Я и мой веб-сайт"). Особенно близкой автору является тема моделирования. Ему принадлежат слова о том, "насколько мощным, но, к сожалению, невостребованным исторической наукой [инструментом] является моделирование», о том, что одной из главных причин этой невостребованности является наша "научная близорукость" (с. 181). Особенностью объекта исторических исследований, – отмечал В.В. Подгаецкий, является то, что в его роли выступает не само прошлое, а информация о нем, закодированная в виде знаковых моделей; содержанием же процесса наших исследований является (осознанное или неосознанное) моделирование, которое может осуществляться как в виде наблюдения (описания), так и в виде эксперимента (верификация гипотезы). Он подчеркивал, что «непонимание между историками и моделями» не является узко-клиометрической проблемой и проявляется не только по отношению к математическим моделям; это общегуманитарная проблема (с. 182).

Значительное внимание в книге уделяется проблемам современного источниковедения. В 4-м разделе автор представляет читателю своеобразный дайджест, включающий 25 пунктов, характеризующих основные черты и характеристики этой важнейшей области исторического знания. Он пытается найти ответ на поставленный им вопрос – могут ли массовые источники быть уникальными, а самодостаточные – ординарными.

Надо сказать, что многие методологические и методические проблемы, поднятые в книге, возникли в процессе работы автора с источниками по социально-экономической истории Украины 1920-х гг., точнее – по типологии социально-экономических структур самостоятельного населения городов Украины в годы нэпа. Именно в ходе этого исследования (положенного в основу его докторской диссертации) В.В. Подгаецкий вышел на проблемы источниковедения массовых источников, их обработки с помощью методов многомерного статистического анализа, многомерной типологии социальных объектов, их моделирования и т.д. Основные итоги этого исследования, соответствующие методологические подходы и технологии изложены в 7-м разделе книги.

Не все построения и определения, содержащиеся в книге В.В. Подгаецкого, кажутся мне бесспорными; это относится, например, к определениям клиометрики (с. 122), репрезентативности (с. 279). Думается, большего внимания при обсуждении междисциплинарных аспектов исторической науки заслуживает вопрос о влиянии на нее социальных наук (а не только исторической информатики), их теоретических подходов и методов. Это, видимо, задачи, ожидающие своего решения в работах учеников Виталия Васильевича...

На страницах книги В.В. Подгаецкий не раз и два затрагивает волнующую его тему, связанную с нравственной составляющей науки. Ему импонируют принципы, сформулированные выдающимся математиком Дж. Пойа, которые резюмируются в одной фразе: "Смелость ума и мудрая сдержанность – моральные достоинства ученого"⁵. Осмысля суждения Пойа, В.В. Подгаецкий приходит к выводу о том, что общенаучный опыт – это не только общенаучные теории, методы и технологии, "но и уроки нравственности, так необходимые нам, историкам" (с. 142), что историк должен быть толерантным, терпимым к точке зрения оппонента. В отличие от многих своих коллег, Виталий Васильевич никогда не считал, что его мнение является непогрешимым. В завершающем абзаце второго раздела книги автор пишет, что он и начинал, и писал, и заканчивает его с сомнениями. Единственное, в чем он не сомневается, – "так это в своем праве высказать то, что он думает, и надеется, что не все его суждения были неверными" (с. 142).

Образ автора, проступающий сквозь страницы книги, – это образ благородного человека, благодарного своим учителям, ответственного перед учениками – теми, "кого мылируем" к клиометрике" (с. 180). Образ человека, задающего "беспощадным вопросом: а чему же я могу научить их, кроме того, что они сами могут прочесть в учебниках?" (с. 180). Образ рыцаря науки, готового отстаивать ее принципы, требующие, в частности, строгого обоснования результатов исследования. В.В. Подгаецкий в этой связи отмечал, что "у определенной части историков могут возникнуть опасения, что в случае выполнения ими достаточно четко обозначенных правил научного исследования, истории может угрожать полная заформализованность, а историку – перспектива превращения из творческой личности в "человека в футляре". Но можно ли, к примеру, считать заформализованными, лишёнными индивидуальности и свободы для ее реализации авторов разнообразных произведений, людей, которые создают музыку с помощью всего-навсего семи нот, которые записывают по определенным правилам на стандартном нотном стане?" (с. 239).

В последнем абзаце своей книги Виталий Васильевич Подгаецкий подчеркнул, что итог любого исследования должен включать определение того доверительного интервала (временного, территориального, проблемного, методологического), в пределах которого действуют полученные выводы и результаты. Думается, что доверительный интервал научного знания, представленного в его книге, весьма широк. Нам еще предстоит осмыслить его творческое наследие.

⁵ Пойа Дж. Математика и правдоподобные рассуждения. М., 1975. С. 30–31.

СОБОЛЕЗНОВАНИЯ ОТ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ "HISTORY AND COMPUTING"

*To: Dean of Historical Faculty
Dnipropetrovsk State University
Ukraine*

Amsterdam, The Netherlands, 14/02/2004

We, the participants of an International Conference on Historical Information Science, wish to express our feeling of grief for the sad news about our highly esteemed colleague and friend Prof. Vitaly Pidgaetsky. He was one of the leading scientists in the field of Historical Informatics in Ukraine and Eastern Europe.

Please send our condolences to Prof. Pidgaetsky's family and to his colleagues.

Dr. Onno Boonstra
Faculteit der Letteren KUN
The Netherlands

Prof. Leonid Borodkin
Historical Informatics Lab
Moscow State University
Russia

Dr. Leen Breure
Department of Information Science ICS –
University of Utrecht
The Netherlands

Dr. Peter Doorn
NIWI, History Department
Amsterdam,
The Netherlands

Ao. Univ.-Prof. Dr. Ingo H. Kropac
Institut für Informationsverarbeitung
in den Geisteswissenschaften,
Graz, Austria

Prof. Bob Morris
Economic and Social History
University of Edinburgh,
UK

Prof. Jan Oldervoll
Historisk institutt, Bergen,
Norway

Prof. Manfred Thaller
Historisch-Kulturwissenschaftliche
Informationsverarbeitung,
Universität zu Köln
Germany

Prof. Gunnar Thorvaldsen
Norwegian Historical Data Centre
Faculty of Social Sciences
University of Tromsø,
Norway

Dr. Matthew Woollard
History Data Service
Essex University,
UK

От редактора

В данном номере мы публикуем последнюю, по-видимому, статью профессора В.В. Подгаецкого. Она отражает его интерес к методологическим проблемам микроистории, проявившийся впервые на международной конференции, организованной АИК в Звенигороде весной 2002 г. На этой конференции Виталий Васильевич выступил с докладом, в котором показал и многогранность микроисторического подхода, и собственную трактовку его соотношения с другими подходами. Думается, читатель найдет немало интересного в публикуемом тексте В.В. Подгаецкого, отражающем его методологические рефлексии последних лет жизни.

В.В. Подгаецкий

МИКРОИСТОРИЯ В ПОЗНАВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ОБЩЕНАУЧНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ОПЫТА. ВЕРСИЯ 3*.

"...получить новое определение – значит родиться вновь, улучшить шанс второй раз войти в исполнинский каталог мира..."

"Классифицировать – значит вносить порядок в хаос; включать в каталог – все равно что узаконивать существование".

Анжела Картер. Борхес-классификатор

Преамбула

Нельзя сказать, что в последние годы в развитии исторической науки в наших странах не произошли определенные изменения, однако они, в первую очередь, касались переосмысления опыта прошлого, т.е. происходила своеобразная интерпретация системы прошлого, вызванная не в последнюю очередь сменой содержания социального государственного заказа, а

* Надеюсь на то, что данный текст будет своеобразным шагом вперед в моих размышлениях над данной проблемой. Первый был сделан на международной конференции "Микроистория: теория и методы" (Звенигород, 15–17 марта 2002 г.) в докладе с аналогичным названием; второй – на V международном конгрессе украинистов (Черновцы, 27 августа, 2002 г.) в докладе "Микроистория: вариант определения ее познавательного пространства в приложении к истории Украины XX в." Данный текст включает в себя как основные положения, сформулированные на двух первых этапах, так и результаты их переосмысления. Я не только не считаю этот третий шаг "последней инстанцией" в решении обсуждаемой здесь проблемы, но искренне надеюсь, что он не будет последним...

также появлением новых "социальных заказчиков". Замечу, что процесс этот и естественный, и закономерный, и мы постепенно перемещаемся (или нам это только кажется) из пространства императивных одномерных представлений в многочисленные пространства самых разнообразных интерпретаций и их вариаций.

Становятся (иногда) доступными архивные материалы, ранее находившиеся в спецхранах. Однако утверждать, что корпус ныне доступных источников кардинально изменился и пополнился новыми материалами, позволяющими ставить и решать "новые проблемы" в истории наших стран, однозначно нельзя. Думаю, что и впредь, в силу и объективных и субъективных причин, нет смысла ожидать значительного расширения источниковой базы наших исследований и связывать свои надежды на развитие истории, как науки, именно с появлением неизвестных ранее уникальных "мегаисточников" или их комплексов.

Конкурентоспособной продукцией, можно сказать, интеллектуальным товаром, на международном "открытом рынке" представлений о прошлом, в современных исторических исследованиях становятся не столько исторические источники (собственно информация) и наши варианты интерпретации их содержания, сколько общенаучные интернациональные технологии, методики и методы переработки информации о прошлом в знания о нем, а также теоретико-методологические принципы, на которых они базируются.

В контексте данной ситуации может быть объяснен тот интерес, который возникает к различным теоретико-методологическим новациям, появляющимся в исследовательском инструментарии историков (в том числе, и к микроистории), и стремление использовать опыт их применения в собственных исследованиях.

Целью данных размышлений является попытка "вписать" микроисторию в познавательное пространство системной методологии и, в первом приближении, сформулировать вариант ее определения в категориях и терминах последней. Этим шагам предшествует краткое изложение положений, являющихся теоретико-методологической основой этих размышлений.

Объектом авторской рефлексии стала случайная выборка из работ историков, занимавшихся проблемами, связанными с микроисторией, которая представляет собой своеобразный дайджест, состоящий из образов микроистории. Следующим шагом является попытка дать ответы на вопросы, возникшие у меня в процессе осмысления содержания этих образов-метафор. Последними этапами в данном алгоритме стали попытки сформулировать собственное (формализованное в виде определения) представление о микроистории и составление *Post Scriptum*'а.

Общие положения

История – это человек в прошлом и прошлое в человеке. Данное определение предполагает возможность изучения прошлого на одном из его микроуровней – на уровне конкретного человека.

Человек – существо биосоциальное, что, в свою очередь, также предполагает необходимость его исследования в качестве части (элемента) определенного социума (системы), который оказывает решающее влияние на формирование его признаков и характеристик.

Социум как система являет собою эмерджентную совокупность взаимодействующих, взаимосвязанных между собою элементов, или, иначе говоря, сложные биосоциальные системы не являются результатом простого их суммирования. "Лицо" системы, ее качественное своеобразие представляет и определяет ее структура, т.е. взаимосвязи между ее элементами. Они могут быть функциональными, логическими и статистическими.

Вместе с тем, такое понятие как "люди" относится к категории массовых объектов; их родовая характеристика проявляется в единообразии именно группового поведения, что объясняется наличием у людей близких по значению характеристик по одному и тому же набору структурообразующих признаков. Благодаря этому обстоятельству, данные многомерные, однородные объекты могут быть выделены с помощью структурно-функционального анализа в определенные кластеры-типы, вне таких типов изучение многомерных массовых объектов затруднено. Уникальные объекты, которыми могут считаться объекты, не вошедшие ни в один из полученных типов, рассматриваются как случайные в составе данной совокупности.

Типологизация предполагает исследование функций объектов определенного типа по пути от общих свойств, характерных в той или иной мере для всех объектов данного типа, к "частичным" свойствам определенных объектов, вошедших в тот или иной конкретный тип (например, имеющих крайние значения определенных характеристик). Уникальные объекты исследуются "сами по себе" на микроуровне, но в системе типов "рядом с ними". Вывод: микроанализу, в первую очередь, подлежат уникальные объекты – как случайные в данной системе, – но которые могут стать типобразующими при изучении системы на другом временном срезе.

История как наука может использовать исследовательский опыт не только гуманитарных наук, но и общенаучный исследовательский опыт. В частности, принципы и методы изучения объектов на микроуровнях – как попытку понять общее, системное на примере частного, элементарного – предоставляет микробиология. Многомерность объектов биосоциальной природы стала одним из оснований для осознания и признания их системной природы. В рамках системной теории и методологии, в системе ее координат возможно найти и установить уровни и масштабы микроуровней, которыми могут быть и элементы, и подсистемы, входящие в изучаемую систему. Отметим, что и сами элементы систем – в силу своей многомерности – могут рассматриваться в качестве микросистем и объектов для микроисследований.

Объектом исторических исследований (тем, на что направлена познавательная деятельность историка) преимущественно является знаковая ин-

формация, а "прошлое" всегда их цель. Из этого следует, что: 1) объектом исторического исследования преимущественно выступают знаковые модели, где знаками являются слова и цифры; 2) само исследование по сути своей есть создание моделей; 3) его результатом выступают авторские модели (описательные и количественные) прошлого.

Если считать, что экспериментом может считаться изменение условий, в которых находится объект исследований или действия, операции, проводимые с самим объектом исследования (в нашем случае, объект – это преимущественно знаковая информация), то наблюдение за поведением объекта можно сравнить с его описанием (в первом приближении – с прочтением определенного текста), а экспериментом можно считать изучение тех условий, в которых находится исследуемый текст (посредством помещения его в познавательное пространство различных – по содержанию и целям – вопросов, создаваемых историком ради извлечения из текста разнообразной информации и выяснения его социальных функций. Для статистики экспериментом может считаться, например, построение корреляционных моделей биосоциальных систем и получение воспроизводимых результатов⁶.

Образы микроистории: дайджест

Фернан Бродель: История расположилась на разных уровнях, сильно упрощая (не связывая себя слишком буквальными пониманием), скажем – на трех. В принципе, стоило учесть десять или сто уровней, десять или сто разнообразных вариантов продолжительности (длительности). На поверхности мы встречаемся с историей событий, расположенных в сжатых границах времени: это – микроистория; на средней глубине мы имеем дело с конъюнктурной историей... И за этим речитативом конъюнктуры мы можем, наконец, услышать гул структурной истории, истории продолжительной, которая охватывает целые столетия и располагается на границе движимого и неподвижного⁷.

Арон Гуревич: Микроистория – это такое историческое исследование, где внимание историка фиксируется не на макропроцессах, охватывающих большие территории, значительную продолжительность времени, большие массы людей, а, наоборот, – это форма исторического исследования, которая, образно говоря, вооружена не телескопом, а микроскопом, когда под его стеклом историк рассматривает отдельный конкретный факт, группу фактов, локальное событие. Он получает результат, который не может быть экстраполирован на все многосложное поле исторических феноменов, окружающих данный факт, но этот результат обеспечивает возможность пролить дополнительный свет на это общее поле⁸.

⁶ См. подробнее: Підгаєцький В.В. Основи теорії та методології джерелознавства з історії України ХХ ст. Дніпропетровськ, 2001. 391 с.

⁷ Медик Х. Микроистория // THESIS. М., 1994. Т. 2. Вып. 4. С. 193–194.

⁸ Гуревич А.Я. Апории современной исторической науки // Одиссей. М.,

Ханс Медик: Микроистория – сестра истории быта, но кое в чем она идет своей собственной дорогой: когда вырабатывает собственные методы, когда...пересматривает и реконструирует категории классической социальной истории, когда, наконец, выступает за полифоническое разнообразие масштабов и способов изложения эмпирического материала⁹.

Юлий Бессмертный: Микроистория может рассматриваться как своеобразный антитезис изучению массовых, серийных явлений с помощью средних значений. Эти "средние" высвечивали господствующие тенденции, в частности, те массовые представления, что задавали тон в обществе. Навязывая массам традиционные культурные ценности (то есть, воздействуя как способ культурного принуждения), они формировали ментальный инвариант, который был в той или иной мере присущ всем вообще, но никому конкретно¹⁰.

Ирина Савельева, Андрей Полетаев: Микроистория – это исследование прошлой социальной реальности, использующее в настоящее время методы микроанализа, разработанные в социальных науках, и модифицирующее их с учетом исторической специфики¹¹.

Арон Гуревич: Микроисторическое исследование вводит нас в такой слой действительности, где могут накапливаться разнообразные потенции, которые или реализуются, или, чаще, остаются нереализованными... Иными словами, на уровне микроистории возможно разглядеть зародыши альтернативного развития, которые почти все историки оставляют без внимания¹².

Юлий Бессмертный: Главные отличия микроистории не в узлокальных рамках анализа, а в значительном увеличении количества анализируемых "параметров" человеческого поведения. Объект микроистории специфичен не только своей неповторимостью, но и особенно богатым содержательным наполнением. Микроистория выступает в этом смысле не как "разглядывание мелочей", а как способ получения новых знаний об индивидуальном и уникальном¹³.

Джованни Леви: Микроистория означает не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях¹⁴.

Ханс Медик: Микроистория пытается найти выход в использовании метода по ту сторону концепции макроисторической синтетической истории.

1997. С. 242–243.

⁹ Медик Х. Указ. соч. С. 193.

¹⁰ Бессмертный Ю.Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти // Одиссей. М., 1995. С. 11.

¹¹ Савельева И.М., Полетаев А.В. Микроистория и опыт социальных наук // Социальная история: Ежегодник 1998/99. М., 1999. С. 101.

¹² Гуревич А.Я. Указ. соч. С. 244.

¹³ Бессмертный Ю.Л. Указ. соч. С. 12.

¹⁴ Цит по: Медик Х. Указ. соч. С. 193.

Именно это имел в виду Джованни Леви в 1990 году, говоря о том, что для микроистории речь, в первую очередь, идет не о разглядывании мелочей, а об изучении объекта с помощью микроскопа¹⁵.

Джованни Леви: Историки не проводят исследования деревень, они проводят исследование в деревнях¹⁶.

Ханс Медик: Джованни Леви дал понять, что исторические интерпретации и реконструкции, осуществленные благодаря концентрации на ограниченном поле наблюдения, будь то село, часть города, социальная группа или даже один или несколько индивидов, позволят качественно расширить возможности исторического познания¹⁷.

Карло Гинзбург, Карло Пони: Проблема, таким образом, состоит в том, чтобы из массы доступных данных выбрать выразительные и значительные случаи¹⁸.

Юлий Бессмертный: Отталкиваясь от идеи правомочности историка "манипулировать" историческими данными и "экспериментировать" при выборе объекта исследования, микроисторика пытаются сосредоточить внимание на конкретных аспектах прошлого. Имеется в виду не простая замена макроисторических сообществ (государство, экономика, этнос) микрообществами (община, семья, индивид), но замен самого принципа, в соответствии с которым, "заменив фокусное расстояние" исследовательского объектива, увидеть иной круг событий¹⁹.

Ирина Савельева, Андрей Полетаев: Образ микроскопа не вполне применим к микроисторическим исследованиям... Как известно, изобретение микроскопа позволило обнаружить нечто такое, о существовании чего естествоиспытатели раньше не подозревали (микробы-микроорганизмы). Так ли это в микроистории? Удалось ли в ходе этого анализа обнаружить некие неведомые ранее обществоведами микрообъекты? Пожалуй, нет...

Применительно к исторической науке эксперимент означает сознательные "игры с прошлым". Правда, объекты для эксперимента... безвозвратно отсутствует. Но существуют какие-то возможности экспериментировать и с отсутствующим объектом: что-то из него изымать, что-то добавлять и смотреть, какие могут получиться результаты.

В понятийном аппарате микроистории термин "масштаб" стал весьма популярным и с энтузиазмом используется многими авторами. Однако данное слово стало применяться не для обозначения предмета анализа ("масштаба социального взаимодействия"), а в качестве характеристики метода изображения в соответствии с первоначальным значением слова

¹⁵ Там же. С. 196.

¹⁶ Там же. С. 196.

¹⁷ Там же. С. 197.

¹⁸ Там же. С. 198.

¹⁹ Бессмертный Ю.Л. Указ. соч. С. 11.

"масштаб". Наконец, это слово стало активно использоваться и в переносном смысле, как синоним "размера, размаха", в результате чего возникла окончательная путаница с тем, что такое "мелкий" и "крупный" масштаб²⁰.

Юлий Бессмертный: Недоступность для историка определения исторической целостности является для микроистории почти такой же характерной чертой, как и для постмодернизма. Все это означает, что и в микроистории возможность объединения при анализе прошлого индивидуально и "надындивидуального" фактически снимается²¹.

Ирина Савельева, Андрей Полетаев: Если долгое время микроаналитические модели служили инструментом для истолкования локальных процессов, то с появлением микроистории возникает другое искушение – использовать в качестве "первичных блоков в более амбициозных проектах социоистории". Но, как показывает опыт почти полувековых дискуссий о соотношении макро- и микроанализа, ведущихся в экономике и социологии, эти два подхода не сводимы один к другому, и микроаналитические исследования не могут служить блоками для построения микротеорий общественного развития. Несмотря на постоянно возобновляющиеся попытки некоторых представителей микроанализа из числа социологов и экономистов соединить микро- и макротеории в непротиворечивую систему, до сих пор это не удавалось²².

Микроистория и ее термины в познавательном пространстве системной теории и методологии

1. Чем "мелочи" отличаются от "подробностей", и есть ли смысл изучать "мелочи"?

С точки зрения системной методологии и "мелочами", и "подробностями" могут быть определенные элементы – или как объекты, или как признаки, или как характеристики, которые входят в состав определенных систем. Одним из основных свойств сложных биосоциальных систем является эмерджентность, суть которой заключается в том, что новое качество (новая сложная система) возникает именно в результате взаимодействия (взаимосвязей) определенных элементов. Сложные системы, как правило, многофункциональны, а это значит, что при исследовании смысла, сути их функций, одни и те же элементы могут "выступать" и в качестве "мелочей" (так называемых "случайных элементов") и в качестве "подробностей". Скажем, если мы изучаем НЭП как социополитическую систему (явление), то одежда горожан – "мелочь", а если как социокультурную систему – то она уже выступает как подробность.

²⁰ Савельева И.М., Полетаев А.В. Указ. соч. С. 112, 115–117.

²¹ Бессмертный Ю.Л. Указ. соч. С. 13.

²² Савельева И.М., Полетаев А.В. Указ. соч. С. 112, 117–118.

2.1. Что может означать проведение определенного исследования *не сёл, а в сёлах*?

2.2. Это может означать проведение определенного исследования "в середине", "в границах" определенной системы. А это – структурный анализ, который является обязательной составляющей структурно-функционального анализа, вторая составляющая которого предполагает, что для уточнения качественного своеобразия определенной системы и ее функций необходимо ее структуру сравнить со структурами других однородных или «похожих» на нее систем.

3.1. Как из "массы доступных данных" выбрать "выразительные и значащие случаи", т.е. "нормальные исключения"?

3.2. Большинство из исследуемых нами объектов являются массовыми, т.е. такими, которым свойственно единообразие именно в групповом поведении, что предполагает их изучение в составе однородных совокупностей. Эти объекты – многомерные, и если анализировать их совокупности с помощью произвольно выбранного и ограниченного числа из характеристик (путем классификации), то все объекты в этом искусственно ограниченном пространстве можно будет разбить на группы "похожих" между собою классов, при этом полностью игнорируя их (объектов) многомерную природу. Уникальные объекты в этом случае нивелируются и как будто исчезают. Но если проводить ту же операцию с помощью типологизации, с учетом всей совокупности характеристик, присущих данным объектам, то среди них могут появиться "уникальные" "нормальные исключения". Ими станут объекты, не вошедшие ни в один из обнаруженных типов.

Подобное исследование было проведено мною во время изучения социальных структур городского населения Украины по результатам переписей населения в 1923 и 1926 гг. Удалось "найти" "уникальные города" – Кривой Рог и Изюм, которые не вошли в состав ни одного из 8 кластеров (типов). С помощью корреляционного анализа удалось обнаружить и уникальную социальную группу (по отраслям приложения труда), которой стали в 1923 г. горожане, работающие на железнодорожном транспорте. Эти "значащие случаи" и стали объектами для микроанализа²³.

4.1. О каком "сужении", какого "поля наблюдения" или о каком "ограниченном поле наблюдения" идет речь? Только ли о пространственно-временном? Или (в метафорическом смысле) о каком "масштабе", "размере", "размахе" идет речь?

4.2. Наблюдать можно не только за "поведением" определенных объектов в прошлом, но и, саморефлексируя, наука может "наблюдать сама за собою". Например, за "поведением" одного конкретного метода исследо-

²³ См.: Подгаецкий В.В. Города Украины в годы НЭПа: (вариант клиометрического подхода к анализу социальных структур). Днепропетровск, 1994. 173 с.

вания в его приложении к различным проблемам, и тогда "микро" – это познавательное пространство и возможности данного метода.

В роли "микро" могут выступать различные аспекты решения конкретной проблемы: хронологический (повествовательный); социально-экономический (идущий от проблем экономики); культурно-цивилизационный (культура как синтезирующее понятие, а цивилизация как ее элемент).

Масштаб микроисследований можно рассматривать в качестве «доверительного интервала», в границах, в пределах которого они проводятся. Эти пределы могут быть временными, территориальными, тематическими, методическими.

5.1. Действительно ли только на микроуровне можно разглядеть "зародыши" будущих альтернатив?

5.2. Во-первых, сам термин "микро" является метафорой, во-вторых, синтез уникальных и массовых явлений не возможен "по горизонтали" (по одному временному срезу) в силу их качественного различия. Но он возможен "по вертикали" и именно как синтез уникальных объектов, осуществленный и прослеженный в хронологическом порядке, путем исследования во времени "судеб" микрообъектов, не вошедших в определенные типы массовых объектов.

Итак, после определения (выявления) типичных и уникальных объектов, после проведения исследования их "судеб" в динамике и по нескольким временным срезам, становится возможным поиск "параллельной", "альтернативной" истории, который возможно осуществить, если сравнивать между собою в течение определенного времени "судьбы" типичных и уникальных объектов.

6.1. Образ микроскопа.

6.2. Существует мнение, что образ микроскопа некорректно использовать применительно к микроистории, потому что биологи смогли с его помощью обнаружить микроорганизмы, чего историки сделать не смогли. Думаю, что главная заслуга микроскопа заключается в том, что после его изобретения люди стали чаще и тщательнее мыть руки. Роль микроскопа в микроисторических исследованиях играет компьютер, позволивший историкам на фоне типов увидеть в мониторе многомерные микрообъекты. После появления компьютера историки стали больше считать...

7.1. Действительно ли моделирование в исторических исследованиях является ни чем иным, как "сознательною игрою с прошлым", игрою, в которой объект эксперимента отсутствует?

7.2. Как уже отмечалось, экспериментом возможно считать и изменение условий, в которых находится объект исследований. В исторических исследованиях таким объектом является информация о прошлом, зафиксированная в виде знаковых моделей – письменных исторических источников. Разные по содержанию наборы вопросов к содержанию информации, находящейся в источниках, выступают в исторических исследованиях в качестве "изменяю-

щихся условий", в которых находится объект эксперимента – в нашем случае, это информация о прошлом. Сам процесс исследования содержания текстов и статистики является ни чем иным как его моделированием, т.е. экспериментом. Историк может получать воспроизводимые результаты и верифицировать созданные им модели, т.е. экспериментировать.

Микроистория – это направление системных исследований событий, явлений, процессов, происходивших в прошлом, в том числе, и в прошлом самой исторической науки. Эти события и явления она рассматривает как многомерные.

Свое внимание она обращает именно на исследование уникальных объектов – "нормальных исключений", – которые можно разглядеть (определить) только на фоне (среди) массовых явлений и процессов;

"Ограниченным полем наблюдений" микроистории может быть: личность, группа людей, процесс, метод, отрезок времени, определенная территория, тема или проблема;

Определение (выявление) уникальных объектов для микроисторических исследований может происходить, например, на основании историографических традиций или путем структурно-функционального анализа информации о сложных биосоциальных системах. При этом микроистория "предпочитает" типологизацию, а не классификацию, для чего привлекает компьютерные технологии;

Уникальными объектами можно считать те элементы или подсистемы определенных систем, которые не "вписываются" в их структуры, т.е. довольно слабо связаны с ними (и логично, и функционально, и с точки зрения статистики).

P.S. 1. "Невозможность постигнуть божественную схему мира не может, однако, отбить у нас охоту создавать наши, человеческие схемы, хотя мы понимаем, что они временны"²⁴.

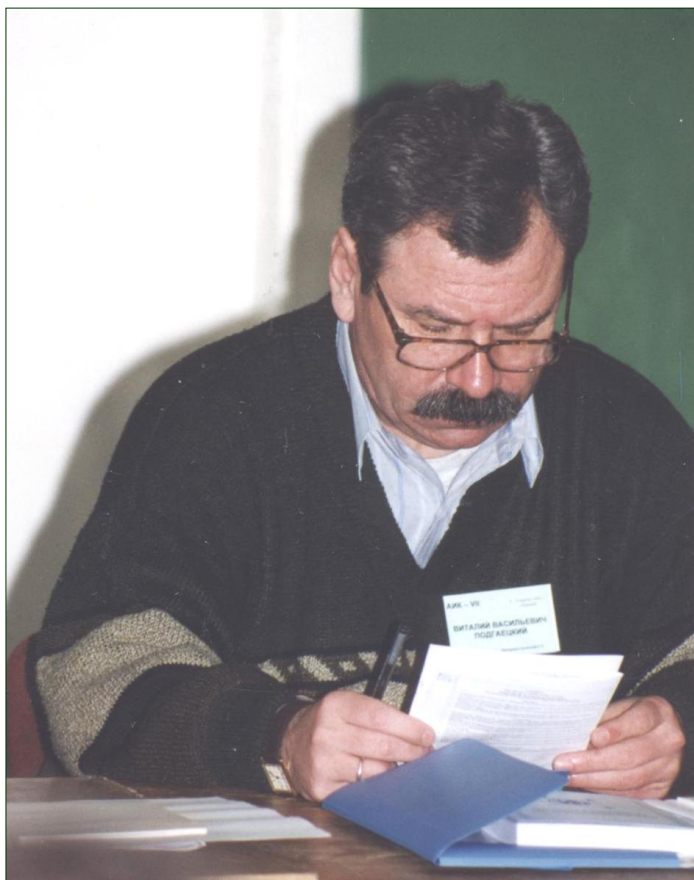
P.S. 2. "Но все, что у нас есть, это, увы, наши системы. Это они делают нас людьми. Даже если они запутаны, непостижимы и загадочны, как Каббала, любая система знания все-таки лучше, чем ее отсутствие, любая таксономическая система – усовершенствование по сравнению с первобытным хаосом"²⁵.

²⁴ Борхес Х-Л. Аналитический язык Джона Уилкинса // Оправдание вечности. М., 1994. С. 394.

²⁵ Каргер А. Борхес классификатор // Борхес Х-Л. Бестиарий. М., 2000. С. 329.

*На конференции, организованной АИК в 2002 г.:
В.В. Подгаецкий, А.Н. Полевая, С.А. Жакишева*

"Боровое", 2000. Конференция АИК-VIII

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ ПРОФ. В.В. ПОДГАЕЦКОГО

1. Підгаєцький В.В. Эффект Журдена или история как метафора прошедшего времени // Методологические проблемы исторической науки. Минск, 1993. С. 92–95.
2. Vitaly Pidgaets'ky. Political image as model of bandwagon: conception and modeling technology // Data modeling. Modeling history. Moscow, 1996. P. 45–46.
3. Підгаєцький В.В. Два сюжети про кілька термінів або про мову, яку ми обираємо // Джерелознавчі та історіографічні проблеми історії України. – Мова науки. Термінологія. Дніпропетровськ, 1997. С.19–27.
4. Фальсифікація як метод історичного дослідження // Вісник Дніпропетровського університету. Серія історія та археологія. Дн-ськ., 1997. Випуск 2. С.3–15.
5. Подгаецкий В.В. Парадигма "система – модель – знак" в познавательном пространстве аксиомы И.Д. Ковальченко // Материалы научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 1997. С. 243–252.
6. Подгаецкий В.В. Аналогии, сходства, отражения и отзвуки или улыбка без кота (о точных и неточных науках и о биосоциальной природе моделирования) // Круг идей. Минск, 1998. Т. 1. С. 18–26.
7. Виталий Підгаєцький. Двобій людини з державною машиною у світлі кліометрики // Український гуманітарний огляд. Київ, 1999. Випуск 1. С. 70–80.
8. Подгаецкий В.В. Загадка Манфреда Таллера или что историческом источнике? // Круг идей. Москва–Чебоксары, 1999. С.337–346.
9. Віталій Підгаєцький. Модернізм і постмодернізм: уявне минуле чи інваріантне майбутнє? // Україна модерна. Львів, 2000, №4–5 за 1999–2000 р. С. 289–316.
10. Подгаецкий В.В. О категориях "массовости" и "самодостаточности" в источниковедении // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 2000. С. 369–388.
11. Підгаєцький В.В. Джерелознавство ХХ століття: тенденції, аспект, наголоси // Вісник Дніпропетровського університету. Дн-ськ., 2000. Серія історія та археологія. Вип. 8. С. 7–9.
12. Підгаєцький В.В. Основи теорії та методології джерелознавства з історії України ХХ ст. Дніпропетровськ, 2001.
13. Vitaly Pidgaets'ky. Computer modeling and philosophy of history as a complex of interpretation: "imaginary gardens with real toads in them"? – Variations on Marianne Moore // New methodologies for the new millennium. Poznan, 2001. P. 37.

14. Подгаецкий В.В. "Историческая информатика" как источниковедение XX и/или XXI века? Pro et contra (ad hominem) // Новые информационные ресурсы и технологии в исторических исследованиях и образовании. Сборник тезисов докладов и сообщений Всероссийской конференции (Подмосковье, "Боровое", 6–9 апреля 2000 г.) / Отв. ред. Л.И. Бородкин, В.Н. Владимиров, И.М. Гарскова, Ю.Ю. Юмашева. М., 2000. С. 255–257.
15. Подгаецкий В.В. Методология, методика, технология? (Размышления о работе секции "Методологические проблемы исторической информатики") // Информационный Бюллетень Ассоциации "История и компьютер", №26/27, ноябрь 2000. С. 16–20.
16. Подгаецкий В.В. Историческая информатика как источниковедение XX и/или XXI века? Pro et Contra (ad hominem) // Круг идей: историческая информатика в информационном обществе / Отв. ред. Л.И. Бородкин, В.Н. Владимиров и И.Ф. Юшин. М.: Изд-во "Мосгорархив", 2001. С. 399–412.
17. Подгаецкий В.В. Компьютерное моделирование и философия истории как совокупность интерпретаций: "imaginary gardens with real toads in them"? (вариации на тему Марианны Мур). Версия 2 // Информационный Бюллетень Ассоциации "История и компьютер". Специальный выпуск. Материалы VIII конференции Ассоциации "История и компьютер" (Санкт-Петербург, 26–29 июня 2002 г.), №30, июнь 2002. С. 260–262
18. Подгаецкий В.В. Компьютерное моделирование и философия истории как совокупность интерпретаций: "imaginary gardens with real toads in them"? (вариант на тему Марианны Мур) // Круг идей: электронные ресурсы исторической информатики / Отв. ред. Л.И. Бородкин и В.Н. Владимиров. Москва–Барнаул: Изд-во АГУ, 2003. С. 507–520.
19. Подгаецкий В.В. "Пахари ледника" и их истории как метафоры прошедших времен. Пионеры. Версия 1. Информация к размышлению. Информационный Бюллетень Ассоциации "История и компьютер". Специальный выпуск. Материалы IX конференции Ассоциации "История и компьютер" (Подмосковье, 22–25 апреля 2004 г.), №32, апрель 2004. С.203–204.
- 20.